

Нептица

Художник Татьяна Казанцева

Нешумова Татьяна

Н 42 Нептица. — М.: Издательство А и Б, — 1997. — 56 с.

(Серия «**Vers Libre**»)

© Т.Нешумова. Стихотворения

© Издательство Составление, иллюстрации

® Зарегистрированная торговая марка

УДК 882

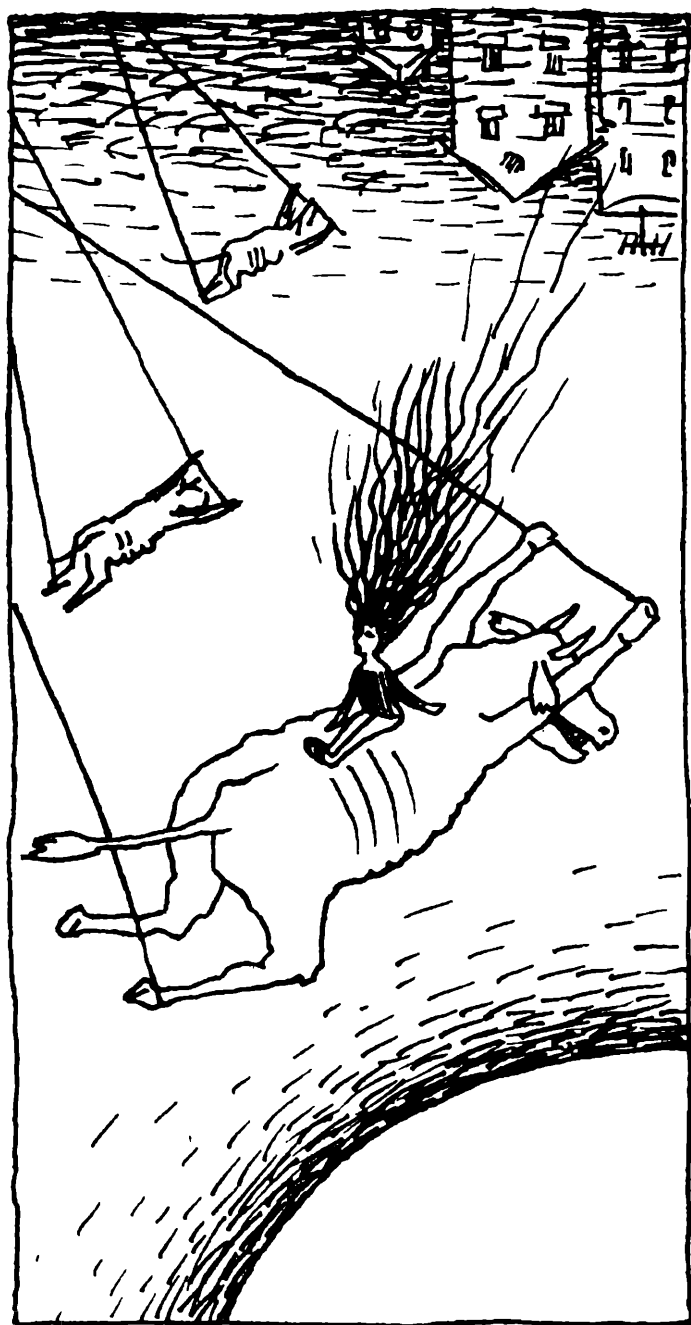
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6—5

Г 42

ISBN 5—89227—002—8

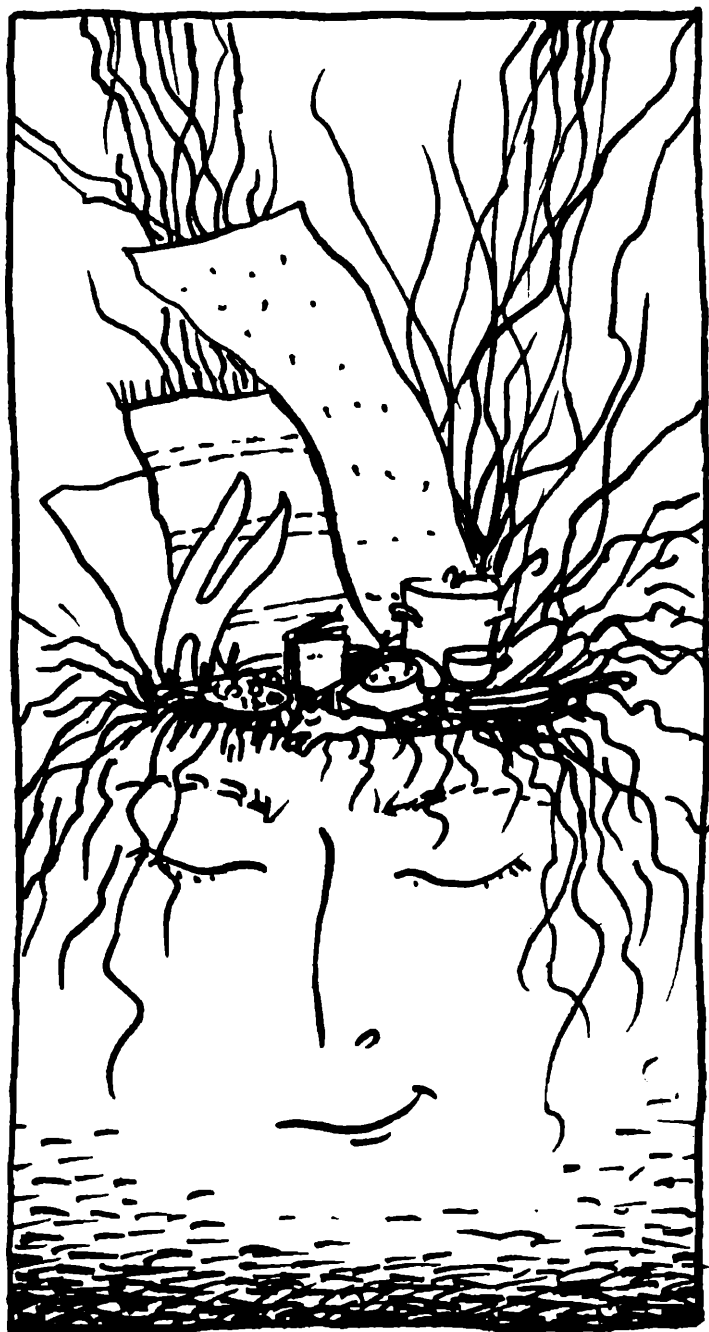
Татьяна
Нешумова

Стихотворения
1982–1991

КАЧЕЛИ

Качели старые скрипят, как будто бы мычат коровы.
И тихо так, что из окон высовываются жильцы.
А я на цыпочки встаю и в небо улетаю.
Глаза сухие у меня, как будто трактор их ровнял.
Потом соскальзываю вниз. Как хорошо, что есть земля.
Ни для кого. Ни для меня. Но есть. И это хорошо.
Потом несет меня асфальт. Потом несусь сама.
Дома похожи на дома. Качели в спину мне скрипят.
Я оборачиваюсь. Там — коровы синие скрипят,
Качели мудрые мычат — и я реву навзрыд.
И тихо так, что каждый всхлип — как будто сотни бубенцов,
Как будто тысячи коров со мной ревут теперь.
И я, закрыв глаза рукой, рукою голову верчу.
Дома похожи на дома. Качели в спину мне скрипят.
Я знаю: миг — и я лечу! Сама! Сама! Сама!

А если вы красивые — знакомьтесь на улицах!
А если некрасивые — пишите диссертации!
А если диссертации у вас не получаются,
То занимайтесь творчеством — пеките пироги!
А если недосолите иль маслом недомажете,
Звоните мне — я добрая, красивая, хорошая,
Я к вам приеду тотчас же и испеку пирог.
А если вы, красивые, со мной не познакомитесь,
А если вы, ученые, со мной не пообщаетесь,
А если вы, кондитеры, всласть Таню не накормите,
То что, скажите, делать мне? Как жизнь свою прожить?

Вот осень выбьется из сил. Большая-пребольшая.
И снег пойдет валить по площадям, мешая
Дыхание с дыханием, мешая дыханию.
И облако, как легкое, задышит снегопадом.
И длинную веревкою повиснет взгляд чужой.
Я по той веревочке, как по земному шару,
Сделаю навстречу шаг большой-пребольшой.
Я скажу, что полно уж горевать и злиться,
Потому что краткие времена пришли.
Нечего бояться дня. Он и сам боится.
И слова летают в нем, как журавли.
Потому что, голову из сердца вынимая,
Я запоминаю каждое движенье,
Потому что близится вьюга, занимая
У души отчаянье, у времен — круженье...
Губы шепчут вьюжные: "Нахтигаль! Ах, нахтигаль!"
Тепло души и варежки верблюжьей
За так раздам. Безумство, настигай!

Когда в меня вмещается этаж, его звонки и пение дверей,
От первых до последних сентябрей,
Земной восторг из рук моих стремится.
Я выбросилась из окна! Какая здесь свобода!
И в лужах шамкает весна, и грохоты гремят!
И тень от облака плывет, земному небосводу —
Словно котенок по груди, ключицам и плечам!
А я восторженных речей вокруг не замечаю
И, словно солнечный зефир, звеню и хохочу!
А я бываю, где хочу, и дом свой забываю,
И, как обычный хорошист, уроков не учу!

ПОДРОСТОК

Попробуй быть нелепей, чем подросток!
Наступит день, и, в ванну заходя,
По полстолетия в лицо свое смотри
И размышляй о предсуществовании.
Ногою дверь толкнув и выйдя в зиму,
Иди себе и думай о своем.
В сегодня, как в огромный водоем,
Бросай себя прохожим на приманку,
А мир, что крутит будни, как шарманку,
Запоминай или рисуй углем.
И в пасть метро шагая добровольно,
Воспринимая пронично толпы,
Читай лишь книги, в жизни мало толку,
И сам свою создай себе реальность.
Когда я думаю о странствиях подростка,
О том, как шла, безумство шагом мера,
В смущенного я превращаюсь зверя,
Который — час уже вегетерьянец.

Быть мальчиком на побегушках занятно, может быть.
Быть посланным, ах, всё равно — куда,
в мороз февральский, в улицы, в метели,
быть кем-то посланным, но этим не томиться,
забыть об этом и идти послушным
лишь своим чувствам, мыслям, побуждениям...
Маршрут? Любой маршрут прекрасен.
И совершенно забывая, где я
и что меня сюда вдруг привело,
опомнится внезапно как от сна,
как после сна — забыть все сновиденья
и удивиться белому сугробу, дому,
и потому, как вдруг в окне качнется чья-то тень,
проникнуться внезапной мыслью
о правоте чужого человека и о своей ничтожности.
Но нет, не потому, что ты есть посланный,
по делу, по чужому, а потому,
что ты читаешь книги,
изводишь миллионами бумагу,
рисуешь, мечешься, и все в себе, в себе.
Жить целый год одним собой
и вдруг, плодами одиночества насытись,
от книги оторваться...
И правота чужого слова не сразу, не спонтанно,
через ночи спокойствия, как ком, подкатит к горлу,
и... нечем объяснить всё объяснённое,
и нечего сказать и возразить, и возражать не нужно.
Глубоко, так глубоко, как под сугробом снега,
вдруг очутиться в времени своем.
Во времени своем быть мальчиком на побегушках.

СТИХ ПРО СМЕРТЬ

150 прекрасных дев и 50 прекрасных вдов —
Вот родина моя, по ней гуляю я.
Я человек. И вот мой плащ.
Я человек. И вот мой зонт.
Я человек. И вот мой мир.
Вот осень близкая идет.
Она ватага всех дождей.
В ней много воздуха плывет
И спелых желудей.
Вот это дом. А вот скамья.
И здесь прольется жизнь моя.
Я ей рукою помашу,
Я вас присутствовать прошу
На празднествах моих,
150 прекрасных дев и 50 прекрасных вдов,
И 200 лучших женихов, и целый двор собак.
В тот день, когда я загрущу,
Я вас на волю отпущу,
Надену пару башмаков
И буду я таков.
И осень, словно полчаса,
За мной, за мной
Уйдет от вас.
Куда покатит тарантас
Большой моей души?
Где человек и зонт его?
Где человек и плащ его?
Где человек и мир его,
И где его родня?
Гляди направо — никого.
Гляди налево — никого.
Вперед, назад — нет никого,
Ни ночи нет, ни дня!

СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗДЕЛЬНИЦЫ

Чего, чего, а уж недели
Таскать свою тоску в портфеле
И пришивать воротнички
Крахмальные к улыбкам,
А дымный ладан — к бороде, —
Чего, чего, а уж нигде
Такого не бывает.
Об этом всякий знает.
Чего, чего, а рыжий плед,
Собаку, свитер и оmlет
Смешать на сковородке
Своей тоски, а в противень
Налить шампунь семейный,
И как пирог подать
Своей тоской взлелеянный
И клейкой лентой склеенный
Зеленый телефон.
А для чего — не знать,
А просто разыграть.
Чего, чего, но кто-нибудь
К тебе захочет заглянуть
И разузнать твои дела,
А дел-то — стирки два ведра,
Готовки года полтора
И мыслей красная икра,
И мыслей детская игра.
Чего, чего — а этого
Ну никому не хочется.
Тоску мою газетную
Все знают наперед,
И мусоропровод
Ее давно уж ждет.
Чего, чего, а этот хлам
Я и потомкам не отдам.
И знаки заклинания,
И несуществования
На бельевых веревках
Сквозняк уж раскачал.
Чего, чего? А просто я
Летаю по ночам!!!

Я гляжу сквозь синее стекло на пшеничное поле ржи.
Город бесследен, словно радость. Ключи побрякивают в кармане.
Я вижу, какие зеленые серые этажи
И в каком зеленом голые деревья стоят тумане.

И меня ни во что невозможно завернуть
И спрятать ни в каком переулке нельзя.
Я вижу, как весна начинает путь
На сломанном самокате февраля.

И март, и апрель склоняются к моему мнению
Обо всем на свете. Им мне возразить нечего.
Потому что я знаю одного гения,
Одного дурака и одну счастливую женщину.

Потому что этого достаточно. Еще достаточно видеть море,
Когда глядишь на пшеничное поле ржи,
И смеяться, потому что дети любят собак,
А собаки детей. И еще потому, что,
На самом деле, зеленые — серые этажи.

Попробуй. Легко забывается все. Но попробуй забудь: — Никогда.
Мне в сумерки нравится петь, а в туман говорить: “Никогда”.
И чтобы к обеду пирог выпекался счастливый, как “вдруг...”.
За дружбу с верблюдом, который молчит или спит,
Я все забываю, счастливое счастье вокруг.
Клянусь, что я буду такою хорошей всегда!
Что проще еще? Но мне в сумерки нравится петь,
А в туман говорить: “Никогда!”

Кум королю, и осень настает.
За то ей почитанье и гоненье.
От повторенья времени сего
Я смертное в нас чую божество
И устаю. Но если царской крови
Возьмется кум — откуда ни возьмись...
Я ухожу в хранилище для книг,
Чтобы учить аттический язык...
Для немоты творится осень вдруг,
И божеством становится мой друг.

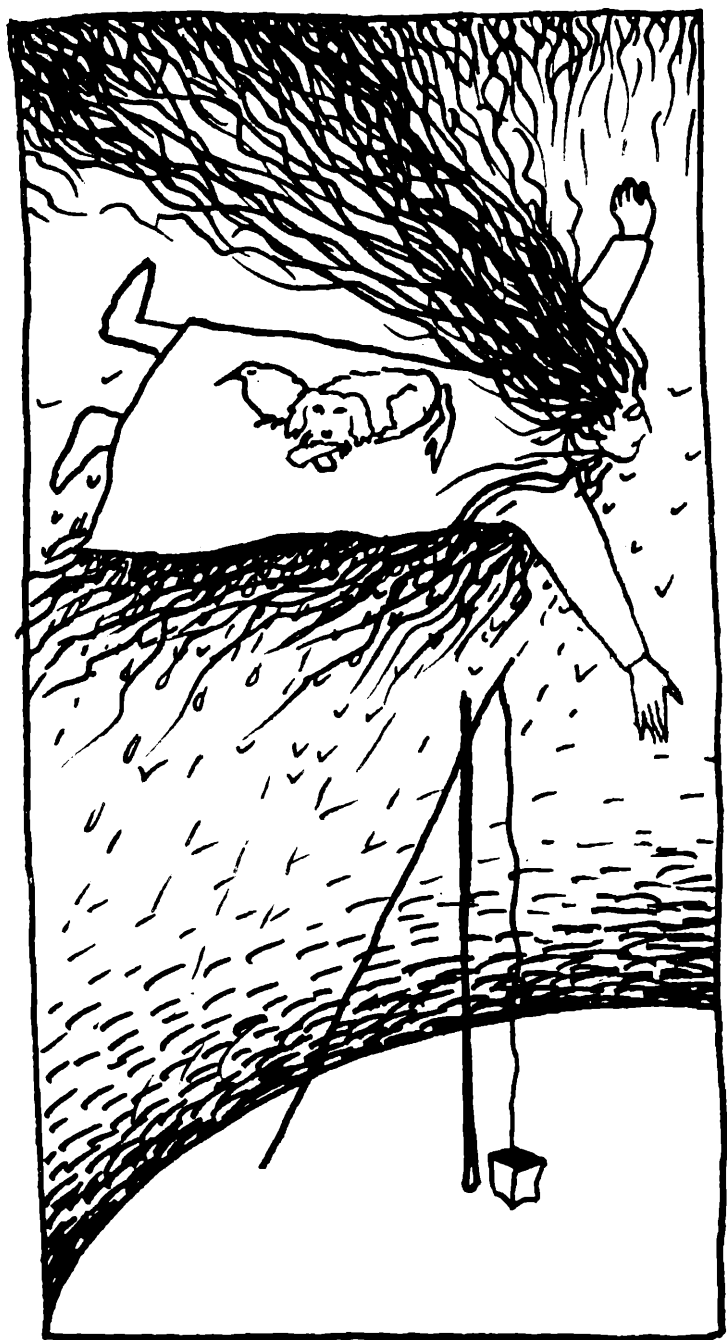
Мой друг — медуза мертвая,
В песок волной прибитая.
И я — волной прибитая,
Медуза полоумная.
И мы, друг друга обходя,
Вернее, обплывая вскачь,
Слишком похожи на растяп,
Чтобы друг друга обжигать
Волною наших неудач.

Куда по улицам пройти?
Не спрашивайте о былом!
Ах, под шарманку, под сурдинку,
Ах, под сосульку-свирепелку,
Что с крыши норовит сорваться,
Выламываться и ломаться...
А бедный тоже загорает,
В пригоршни воздух набирает,
И в гавани его плаща
На сердце крест святой — прощать.
И мартовский сухарь во рту
Набряк, растаял, проглотился,
В дома и лужи превратился.
И лебедь плавает в пруду.

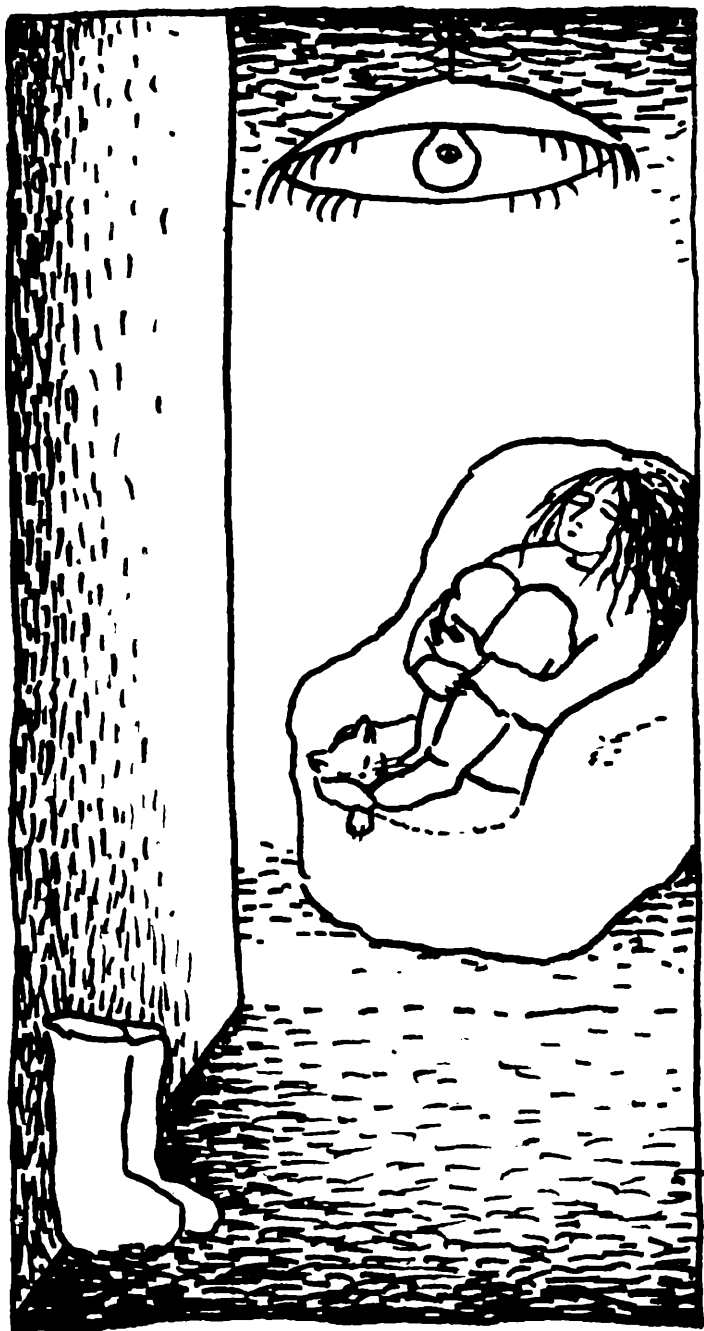
ТРЕЛЬВИНИЯ

(Зимнее окно)

Трельвиния — чудесная страна,
На ней трельвятся разные трельвьюжки,
И строятся трельвленные избушки
В лесах трельвильных моего окна.
Я их хочу получше разглядеть,
Но тут окно становится двором,
Я вижу человечков.
Мне хочется их в стороны вертеть.
В различные,
Трельвильским перекрашивать добром
Или висеть сосулькой над крылечком.

Так день начнется, в пояс поклонясь
Собаке, и вороне, и любви.
Так голые ключицы и запястья,
И голые ступни в снегу утонут.
Я пролечу над ними в вышине
И расскажу, что видела на свете.
И стану я колодцем журавельным
И старичком на блюде можжевельном.
И если шарф завязан на спине,
Как у ребенка, чтобы быть ведомым,
И снег идет, чтоб ублажить бездомных,
То, верьте мне, день вправду начался.
И, начинаясь, в пояс поклонясь
Вороне и собаке, день проходит.
А ветер, как в кармане пиджака, —
Свидетельство о бедности угодий, —
Роняет птиц и гонит облака,
И сам мечтает о другой погоде.

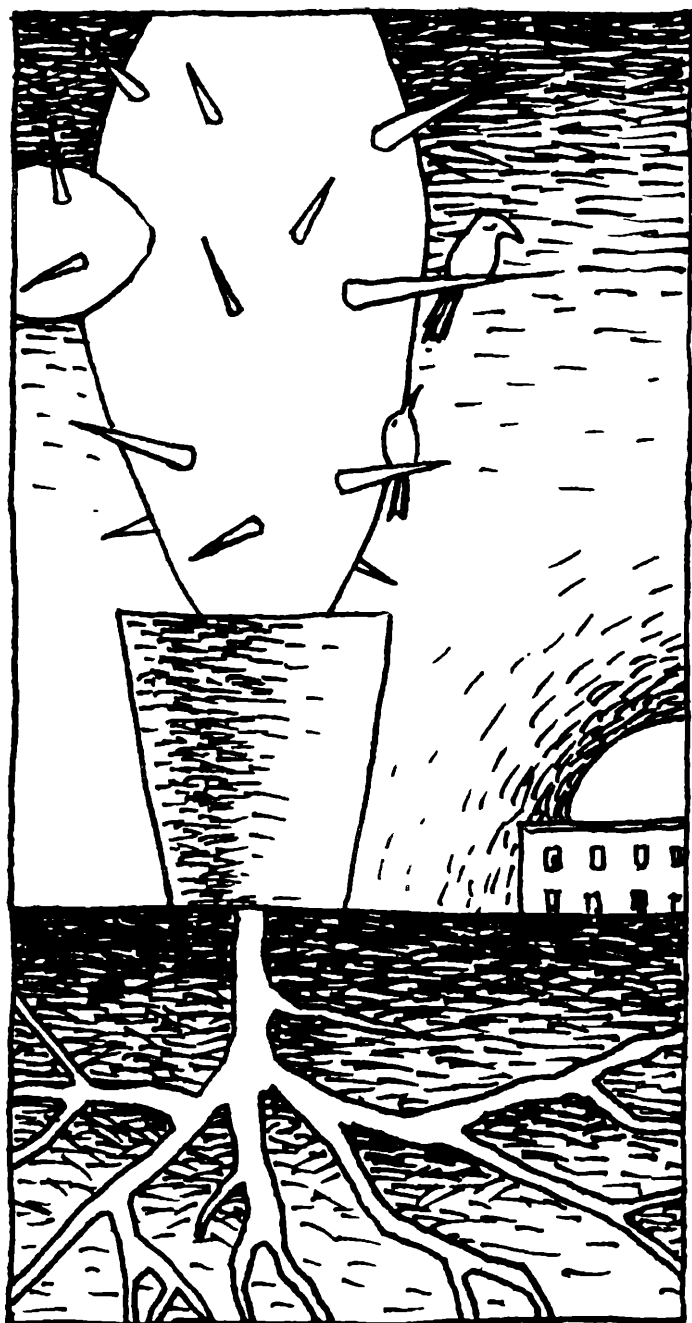
День тянется как перешеек горный.
Путь в мою квартиру прост.
Дверь открыта. Кот придворный
Мне протягивает хвост.

Я свою снимаю шапку.
Ставлю валенки в прихожей.
Ты берешь меня в охапку
И несешь меня на ложе.

Или так: слепым движеньем
Я тащу с себя пальто
И сажусь в изнеможены.
Нет тебя, и я — никто.

День такой обыкновенный,
Словно ножницы, холодный.
Кот свой взгляд проникновенный
Не спускает — он голодный.

Я даю ему наесться.
Я сажусь в пустое кресло.
Я гляжу в пустую точку.
Я тебе рожаю дочку.

Как живет кипяток на огне,
Так и кактус живет на окне.
Так и дерево мчится под землю,
Так и солнце садится в дома.

Март кончается. Снег во дворе
Превращается в черных ворон.
Начинается ветер, затем
Начинается дождь, и затем
Начинается день, и затем
Продолжается он до конца.

ГРУЗИНСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я нарисую на зимнем стекле
Пальцем горячим лицо тамады.
И сквозь барашки его бороды
Вырастет чудная, зимняя ветвь.
И среди веточек тонких ее
Вырастет лето и лопнет, как мак.
И рыболовная сеть, как гамак,
Там затрепещет, где море поет.
И в рыболовной сети стая рыб
Участь свою запоздало поймет
И перед смертью своей запоет
(Души от слез, словно жабры, мокры).
Медленней, чем черепаха, сползет
По красной щеке голубая слеза.
И меня тамада позовет,
Голова отвернется назад,
И мороз, улучив подходящий момент,
Заштрихует травюю лицо тамады.
И я вздрогну, увидев сквозь лица и дым
Лица рыб на уставленном пищей столе.

ГУРЗУФ

В том углу, где окно начинает свой путь до другого угла,
Стопка книг и тетрадей зимуют в твое отступление
От Москвы, где возможно все чувства свои перепутать,
И оставить в углу, и уехать на сером осле.

Далеко-далеко,

В голубые кувшины Гурзуфа.

И я лучше тебя понимаю, что нет оснований

Для печали моей. Только где ж

Основанья для счастья?

Ах, пойдн разыщи! На осле-то?

Да в этом Гурзуфе?

В голубых-то кувшинах?

Ах, пойдн, да пойдн ж, разыщи!

На Юго-Западной билеты продают.
Сегодня ночь — преддверие сражений.
И я, не принимая возражений,
В огромный термос чай горячий лью,
В огромный шарф заматываюсь туго.
А на дворе меня встречает вьюга,
Несильная, но двор, неузнаваем.
Мои шаги считает попугай.
Мы с ним сейчас прохожих напугаем.
Мои друзья не видели “Мольера”,
А он пока последняя премьера.
Проходит ночь. Уже почти светло.
Москва без варежек. Святое ремесло —
Печь леденцы на водосточных трубах.
А снег идет, облизывая губы.
И я иду, аналогична снегу.

Вот сто проблем повисли надо мной.
И, кажется, мой ангел не со мной.
Спиною прислонясь к воздушным массам,
Хожу опять вдоль улиц за тобой.
Они меня поддерживают странно.

Когда опять ты притворишься спящим,
От всех предметов снова отодвинусь
И превращусь в дверные косяки.

Как ты меня боишься потерять!
О злой тиран, тебя я презираю!
Но от любви к тебе опять сгорая,
Я убегу и возвращусь опять.

Опять меня задушит этот взгляд,
Весь мой скелет прошьет ему покорность,
И я опять не знаю, что есть гордость,
Когда увижу в бешеных глазах,
Что ты меня боишься потерять.

Опять умру не на твоих коленях,
А в темноте, нас разодравшей вновь,
А на плечах моих воздушных масс,
Боясь тебе слезами досадить.

ПОБЕГ

Побег увенчает сто мыслей в моей голове.
Сто мыслей, что бродят ночами за мной по пятам.
Одна. И одна с половиной. Представь себе, две! —
Меня уже много на свете, а ты все один!

Ответь мне, ответь, почему ты молчишь, как снегирь?
Зачем за тобой я неистово землю топчу?
Зачем для прохожих плечом и ногами верчу
И глаз надуваю от смеха, как мыльный пузырь?

Побег увенчает. А после побега — зима.
Она, расправляя крыло, и не взглянет на нас.
И чай наш остынет. И в реку весло упадет.
Зима, расправляя крыло, и не взглянет на нас.

Давай я тебе никогда не совру, что люблю.
Ты помнишь меня? Я теперь невозможно молчу!
Ответь мне, ответь, почему ты молчишь, как зима?
Зачем за тобой я отчаянно землю топчу?

Мне нравится воспитывать судьбу.
Она послушна, как чужой ребенок.
Она дудит в неслышную трубу.
Оттуда вылетают сковородки.
Еще неслышное несет на подбородке
Чужой ребенок выражение глаз...
Мне кажется, я думаю о вас.
Мне кажется, и имя повторять
Я стала бы лишь ваше, если б я
Придумана была для повторенья.
Но я сейчас даю урок судьбе —
Мне некогда подумать о себе!

Что остается от меня, когда меня не остается?
Когда мой демон не смеется? Когда мой ангел тихо спит?

Что остается от любви, когда любви не остается?
Когда вся сухость губ моих глазам моим передается?

Что остается от беды, когда беды не остается?
Когда пустая голова в покое с сердцем остается?

И что же станет с тобой, когда меня не остается?
Когда глазам передается вся сухость губ?

В какое-то заброшенное платье
Заброшенное тело погружу
И выдохнусь. И путь освобожу.
И между мной и прочими людьми
Связь установится деревянная.
И пойдет дождь лить по дороге,
Там, где липы цветут и цикорий.
О каком горе может идти речь?
Ни о каком горе.

О, старикашка старости моей!
Весна уж в твой затылок дышит.
А ты задумался в ботинке
И смотришь, точно на картинке,
Во тьму моих, о лишь моих ночей,
Где воздух падает на крыши
И громыхает как железка.
А ты стоишь и видишь близко
Большую голову свою.
Но я тебя не узнаю!
Ты! Ты! Представить не могу!
Чтоб ты с глазами молодыми
В окно глядел не на тебя,
А на нее, свою Парашу!
Которая бывает краше,
Когда тебя здесь не бывает.
Гляди! Поддался родничок!
И виден пульс нам твой сквозь кожу!
И пальцы сжались в кулачок,
И весь твой замысел наружу
Явился нимбом золотым
Над детскою твоей кроваткой.
А ты, с игрушечной лопаткой,
Внучат не узнаешь своих!
О, старикашка старости моей!

МОЙ РЕБЕНОК

Надежда на ничто,
Прикрытая ничем,
Спаси меня опять,
Переведи за руку
По броду твоему,
Оставь открытым дом,
А после уходи
На вечную разлуку.
Когда смеется дочь,
Мне негде больше жить.
И значит в эту ночь
Мне суждено не быть
Ни матерью ее,
Ни скатертью твоей,
Ни папертью ночной
В плену своих детей.
Я слышу голос твой,
Неживший человек,
И я — твой огурчик —
Приеду за тобой.

Была большая благодать.
Над ней летала важно птица.
Вчера еще была большая —
Сегодня — я уже никто.
Вчера не знала ничего.
Сегодня просто — ничего.
Когда опять я стану птицей,
Где будет эта благодать ?

Вот ходит птица воробей.
Она умеет быть нептицей.
В то время как, ее свидетель,
Я не умею просто быть.

Я существо в обнимку с попрыжком.
Тебя здесь нет, и я живу зажмурясь,
Босой ногой нащупываю холод
И становлюсь калейдоскопом дел.

Жили-были трепетные птички
В малиновых и розовых кустах.
Они имели милую привычку
Жить целый день с улыбкой на устах.

Я наблюдал их житие святое,
Я постигал всю прелесть бытия.
Но что с тех пор вдруг сделалось со мною,
Ах, Боже мой, и сам не знаю я!

Я утром улыбаюсь без причины
И забываю о себе, друзья,
И из красивого и сильного мужчины
Во пташку Божию вдруг превращаюсь я!

Зиме — не нужно ничего.
 Она сама собой свершится,
 Сама на вьюги раскрошится,
 Сама вас позовет гулять,
 В объятьях погибать от смеха,
 Лепить чудовища из снега,
 Есть белый лёд от мам украдкой
 Или долбить его лопаткой,
 Или работать целый день,
 Как дворник дома номер семь.

И пусть ее! А я хочу
 Покрепче заварить заварку,
 Средь отопленья батарей
 Глядеть на глупых снегирей
 И восседать, как нерей,
 Читая сутками Ремарка.

Но что со мною говорить?
 Я стала римскою волчицей.
 За мной нельзя не волочиться,
 Меня нельзя не полюбить.
 Но мне — не нужно ничего.
 Я — как зима — сама с собою,
 С своей холодной головою —
 До возвращенья твоего.

Зима не совершит насилия надо мной.

Я медленно иду над брэнною ночноу

Бессонницей.

Никто не совершит насилия надо мной.

Любя и не любя, меня никто не знает.

Никто не совершит. Зима не совершит.

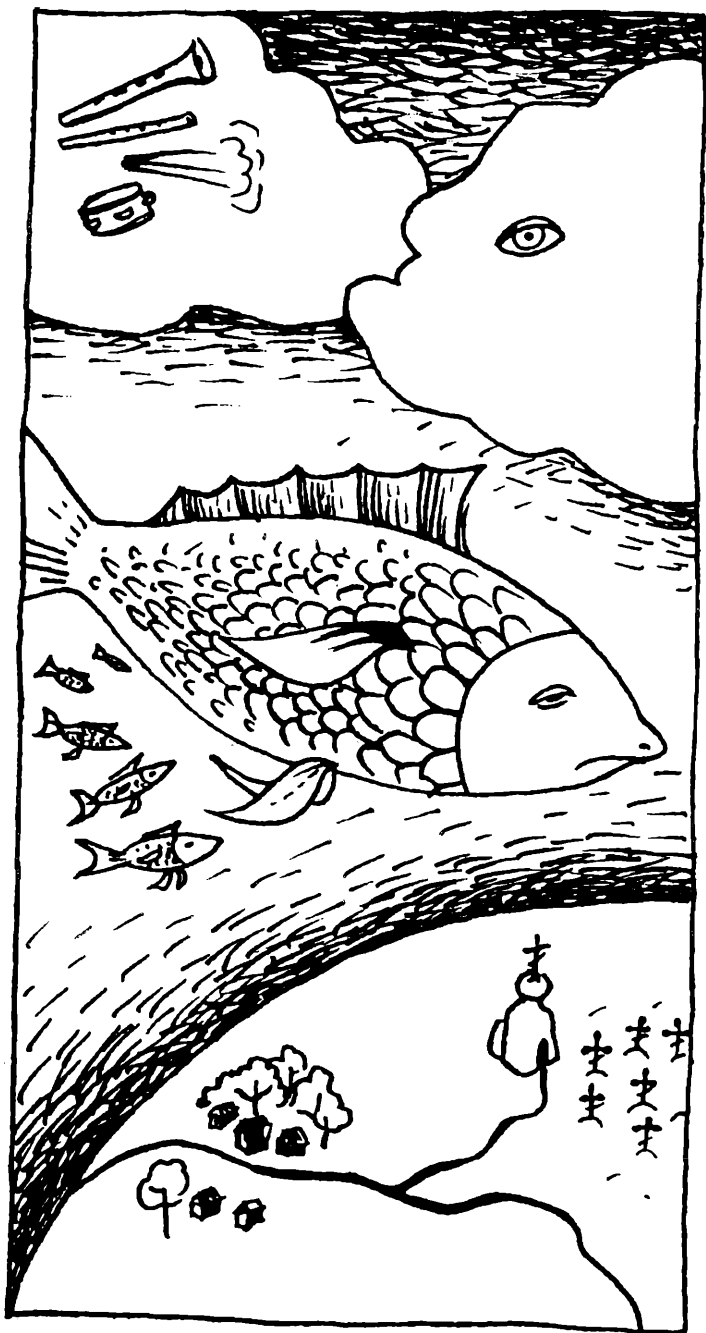
Бессильная любовь меня не покидаст,

Причем в нее весь смысл судьбы моеу зашит.

Всех одиночеств истинней зима
Катая ком из снега неживого,
Она живет, холодная богиня,
А я ее зову: "Зима! Зима!"
Она ложится медленно в сугроб,
А я следы на грудь ее кидаю,
Холодных веток рыбий разговор
Над ней ловлю и опускаю в гроб
Реки, которая и все не река,
А рыба, рыба! И живет, глазами
На небо глядя, медленно, как все.
И я ей верю по утрам слегка,
Утратя нос, и уши, и глаза.
В холодный дом их бросив беспощадно,
Гуляя медленно, как все, и все быстрее.
На губы мне чистейшая слеза
Со щек домашних больно проникает.
И я иду. И каждый след на грудь
Богини зимней медленно стекает.

В дверях поселилась зима.
И в каждой еде поселилось ангинное горло.
Плечо поднимаешь все выше и выше,
Но есть голова, и тебе не достать потолка.
Куда комары улетают зимой, если в каждой ангине
Июльского зноя замешан огромный пирог?
На Северный полюс, туда, куда тянешь плечо.
Ночует у двери зима, а глазам изнутри горячо.
Ты пойман, не вор, и над дверью повисла зима,
А ты поднимаешь все выше и выше плечо.

В большой моей голове
Влачилась зима.
И была голова величава.
Но какой-то старик
С голубыми глазами, грудной,
Промолчал мне, что слеп.
И мы побежали к нему домой.
И я поцеловала
Большую голову его
И белоснежный рот.
Уж год прошел, как он умре.
А с Рижского вокзала
Зима — бывает, что придет,
Бывает, что и нет.

КАРТИНА С ЧЕРНЫМИ ДОМИКАМИ И АНГЕЛАМИ

Мой первый ангел песенку поет.
Второй на флейте песенку играет.
А третий ангел в облако ныряет,
в прозрачный бубен с бубенцами бьет.
Четвертый ангел в синюю трубу свою дудит,
а пятый ангел на меня глядит.

Он видит за моей спиной мой дом,
других людей и черные дорожки,
прозрачный свет, струящийся в окошки.
Но как и я, он думает о том,
что рыба по небу огромная плывет
и за собой своих детей зовет.

У рыб есть свой аквариум небесный,
у птиц есть лес, а у зверей трава,
но человечья преклониться голова
там, где укажет ангел ее место.

Я ехала в троллейбусе и думала о счастье.
 Какой нечеткий понятийный аппарат!
 Его со сна создал аристократ.
 А раб жил так, как нравилось рабу.
 Я думала об этом потому,
 Что мне сегодня все не удавалось
 Но это все мной не запоминалось,
 И было почему-то хорошо.
 И там, где расположен новый цирк,
 Я вылезла и очень удивилась:
 В бассейне, где фонтанчики резвились,
 Еще вчера, — лежала груда листьев.
 А рядом с грудой листьев — куча листьев,
 А рядом с кучей листьев — горстка листьев,
 А рядом с горсткой листьев была лужа,
 И это значило, что осень началась.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ КУТЕКИ

Мы с тобой одеваем фартуки,
Обнажаем по локоть руки,
Месим краски, муку и слова.
Мы с тобой выпекаем картины,
Сочиняем с тобой кулебяки
И малюем стихи — дважды два.
А когда я одиножды раз
Был один-одинешенек днем
(Только ночью мы были вдвоем —
Праздники — фартуки),
Я стоял и смотрел за окно,
Видел улицу, был ни при чем
И не дрогнул, когда ты входила ко мне,
Ожидая тебя день за днем.
Если капает в кране вода,
Дай и это мне пережить,
И икарусы с синими окнами
В память свою положить.
Чем огромней пирог
Ожидает с тобою нас,
Тем отважней приходится быть
У окна начеку, зная, что на том берегу —
Скелет пирога, мышцы стихов и картины каркас.

Я не являюсь самым умным человеком.
Я также не красивее всех женщин.
Я не добрее всех людей на свете
И не имею денег в кошельке.
А ты меня опять запоминаешь.
Безлиственное дерево в окне.
Неголубое небо в вышине.
Акваршума тусклое свеченье.
Сравни мой рыбий глаз с дверным зрачком
И упали в рыданиям ничком.
Тень от лица и самое лицо.
И детское в ладонях письмецо.
А взрослое — руками прячет сон.
Им никогда не слиться в унисон.
Зимую все похоже на жилье.
Передвигаться можно и дышать,
Безоблачность спокойно провожать
И убаживать спокойствие свое.

Таракан. Чернослив. Запятая. Тире. Револьвер.
Голубей голубей это небо. Тире. Револьвер.
А когда уже ночь, это небо — опять револьвер,
Холодно и темно, с барабаном заоблачных сфер.
А когда я по кухне с ПРОДУКТОМ ношусь кувырком,
Револьвера того я являюсь опасным курком.

Я привыкаю к своей судьбе
И не слежу за ней.
Мне и с тобой тяжело и с собой
В потрохах наших дней.
Если здесь время приходит к концу,
Не ошибусь опять.
Вытяну шею и поведу
Речь и судьбу свою вспять.

Мне еще невозможно почувствовать этот простор,
Что за жизнью моею простерт навсегда.
Просто я устаю. Просто злая вода
С облаков, и с тобою пустой разговор.
Запахнись и молчи. В этом мире отцов и сестер
Как легко мне тебя просто так понимать
И слова твоей речи, как уголь, мешать,
Раздувая костер...
Быть на кухне и ужин невкусный варить.
Может быть, я пишу манифест реализма?
И с тобой без тебя или просто с собой говорить.
Или сюрреализма?

Быть диким существом в плену метаморфоз
И день как год прожить, немотствуя от слез,
Мне не казалось странностью большой.
Мужчина у окна подобен мне.
Как я, таращится на трещину в стене,
Откуда ночь на таракане-скакуне
Вдруг тащится, и на его спине
Есть место для меня.
Он также силится издать какой-то звук,
Чтоб ужас наш похож был на испуг,
И, мысленно повиснув на ремне,
Пусть каждый думает: вот эта — не по мне.
Во тьме, во мраке, в полузабытии
Мы видим лица странные свои,
Освещены заикой-лучом,
Оглушены бряцающим ключом.
Еще не смерть — ее соревнователь,
Уединений вечных сопискатель,
Пря человека, мрак и слепота
Снимают нас со своего щита.

Долго ль с тобою еще я могу говорить обо всем?
 А потом — горевать обо всем? Противясь добру,
 Хочется мне никогда ничего не иметь,
 Ни о чем не жалеть никогда, ничего не делить.
 И не кидать себя алчущей ревности в пасть.
 Если тебе я противна своею сладкообманной улыбкой —
 Это пойму и приму я. Нечем во мне поживиться
 Радости божьей. Я рыба, никчемная кость.
 Дерево самообмана живет, шелестит и лепит
 Душу мою, но его я могу обмануть.
 В медной ладони я семя твоё подниму.
 Ветру отдать его или снова ребенка родить?
 Перед небытием нас разлучат с тобою
 То тело, то сумрак души.
 Ласка лишь нас бережет.
 Слово лишь держит в руках.

Я уже иду домой, где ты
Сидишь на диване и ждешь, что шаги — это я.
Отменяя понятие и ощущение красоты,
Пользуясь понятием бытия,
Я иду домой. Возможно, ты
Станешь читать мне стихи и реветь в три ручья:
Лицо у лица, не помнящего темноты
Комнаты, тени и света фонаря.
К дому — где странное существо, ты
Меняешься независимо от положений дня,
Кормишь, рассматриваешь меня,
Едва ли зная причины моей зевоты,
(Мне же они известны, но лишь отчасти),
Просто от передвижения слов устав,
Я не хочу быть к этим словам причастен.
Мне всегда кажется, что ты бываешь пуста
В эти минуты нашего счастья.
Ты сидишь на диване и слышишь лишь шарканье моих ног,
Зная, что я и вовсе не услышу тебя,
Переступив порог.

ЦЕРКОВЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА В ТРОПАРЕВО

Болезнь по моим закоулкам пройдет
И вывернет черный, оставленный храм.
Я с телом китайца, с душою японца
Иду в православный храм.
Пока в нем болеет пространство церквей,
Он розов и всех остальных мне милей.
Когда его воздух прорвется,
Высокий привратник мне дверь отперет
И выведет за руку архистратига,
К небесным всадникам пристроит облака,
И тень отлетит, и вериги греха,
И это увидит, кто рано встает,
Кому и Господь подает.

Я знаю 14 слов языка, 14 малых молитв.
А небо глядит на меня свысока,
Внимательно взоры вперив.
И глупых соседей дверные зрачки
Буровят мою пустоту,
А я, надевая смешные очки,
Машу им рукою: "Ту-ту!"
Мне скоро исполнится время мое,
Оно повернется во мне.
И осветит небо, оконный проем,
Растение кактус в окне.
И грудо-брюшная преграда моя
Навстречу тем звездам разверзнется вдруг,
Но я в этом мире останусь стоять,
Весло выпуская из рук.

Хочу ничего не иметь,
Чтоб ничего не давать.
Не думать и не горевать,
О том, кто пожалует кроху.
Хочу ничего не терять,
Хочу и цепей не терять,
Что не позволяют шнырять
Мне там, где случится шнырять.
О как я хочу замереть
Возле зеленых столов
И знать, что для этих столов
Я не имею даров!

Я умею быть ниже травы,
Что вчера приказала мне жить,
Когда я в ней лежала, а ты —
Надо мною и ниже травы.
Я искала в твоей голове эту воду,
Что громче меня.
Я умею быть тише воды
И гордиться рукой в рукаве.
В никакой голове, никакой рукой,
Если тише воды, если ниже травы,
Если света белей мой покой.

Стуча копытами копыт,
Ты далеко не убежишь.
За тенью тень погнав вдогонку,
Ты не достигнешь никогда
Гордины лип у гамака,
Что не зрят седока гамака.

Пока я легка на помине,
А воздух тяжел и тягуч,
Иду и опять различаю
Носы и ботинки у туч,
Ты, маленький, словно собачка,
В неважной своей конуре,
Глядишь на дорогу, не чуя,
Что я приближаюсь к тебе.

БУКВЫ

Как давно меня звали к себе
Неподкупные черные звери.
Было время — они для меня
Открывали не пасти, а двери.

Не как друга, а как пастуха,
Как трудягу, себе на подмогу
Призывали. И я понемногу
Научалась быть равной себе.

А сейчас, ну чего ж ты молчишь,
Старичок, неподкупный сверчок,
Кто тебе прикусил язычок?
Сам себе прикусил язычок?

В темноте, где дыхание детей,
Слышно мне и дыхание твое.
Но тебя, как и их, повернув на бочок,
Усыпляю я, старичок.

Татьяна
Нешумова

Нептица
Стихотворения 1982–1991

Художник
Татьяна
Казанцева

Vers Libre

Экземпляр № *121*

ЛР № 064432 от 05.02.96 г.

Подписано в печать 03.09.97 г.

Формат 60 x 90/16.

Печать офсетная.

Бумага Tintoretto Melange.

Тираж 240 нумерованных экземпляров.

Издательство «А и Б».

Отпечатано в типографии

«Издательский дом «Ин-фолио».

